

Когда Тан Юйхуэй вновь открыл глаза в окне уже стояли сумерки. Бледные краски заката угасали, полог неба наполнялся темнотой, кое-где проступили первые, самые яркие звёзды. Головная боль почти утихла — то ли он наконец выспался, то ли подействовала та самая таблетка родиолы.

Тан Юйхуэю потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, где он находится. Сев, он некоторое время бессмысленно глядел перед собой. Стало жарко. Опустив взгляд, он обнаружил, что на нём всё ещё чёрный пуховик Кан Чжэ. Юноша застыл, а затем машинально коснулся пальцами застёжки-молнии. «Неужели я так и проспал до вечера? Даже куртку не снял?» — с лёгким недоумением подумал он.

Немного придя в себя, Тан Юйхуэй поднялся и умылся. Сразу после этого он ощутил подступающий голод и только тогда вспомнил, что с самого утра ничего не ел. Взглянув на тёмное небо за окном, он немного поколебался, но всё же открыл дверь комнаты и спустился вниз.

На стойке регистрации никого не оказалось. Тан Юйхуэй уже подумывал позвонить, как вдруг заметил во дворе за домом мерцающий свет. Кан Чжэ развёл во дворе костёр и сидел возле него на деревянном стуле, закутавшись в красный плед с замысловатым узором. Перед ним на маленьком деревянном столике стоял ноутбук — он играл.

— Проснулся? — не отрываясь от ноута, бросил Кан Чжэ, боковым зрением заметив медленное приближение Тан Юйхуэя.

— Угу... — Тан Юйхуэй уставился на яркий экран, но так и не смог разобраться, что это за игра.

Немного помявшись, он всё же спросил:

— Прости... здесь поблизости где-нибудь можно поесть?

— М-м? — Рука Кан Чжэ, лежавшая на мышке, не дрогнула. Тан Юйхуэй видел, что игра в самом разгаре, и тот вряд ли слушает его.

«Но разговор-то нужно продолжать, — с некоторой неловкостью подумал Тан Юйхуэй. — Откуда у этого человека манера всё делать с непринуждённой лёгкостью [1] и при этом держаться так, словно он выше всех?»

[1] 游刃有余 (yóu rěn yǒu yú) — китайская идиома, переводится как «иметь достаточно места, чтобы орудовать тесаком». Возникла из древнекитайской истории о поваре, который настолько мастерски разделывал быка, что его нож скользил между костями и суставами без малейшего усилия, словно у него оставалось ещё достаточно места для движения. Это метафора лёгкости, уверенности и мастерства в выполнении задачи.

После очередной серии непонятных Тан Юйхуэю действий мышкой Кан Чжэ, кажется, слегка цыкнул, недовольно закрыл игру и наконец оторвался от экрана. Он убрал руку с мышки и, разминая плечи, случайно задел локтем Тан Юйхуэя, который уже довольно долго стоял рядом и наблюдал.

Кан Чжэ на миг замер, а затем произнёс:

— Что ты здесь делаешь?

— С тобой разговаривал, — растерянно пробормотал Тан Юйхуэй.

— Только что? — Кан Чжэ выглядел более недоумевающим, чем Тан Юйхуэй. — Кажется, я почувствовал, что кто-то подошёл, но не придал этому значения. Извини, я не расслышал. В следующий раз, если такое случится, просто оклики меня.

Тан Юйхуэй открыл рот, всё ещё не в силах поверить:

— То есть... ты до этого отвечал мне на автомате?

— Не знаю, — Кан Чжэ снова, как всегда, небрежно усмехнулся. — Наверное. Что ты говорил?

Когда собеседники пытаются вернуться к прерванному разговору, порой бывает очень трудно восстановить прежнюю лёгкость и непринуждённость. Отчего-то Тан Юйхуэю вдруг стало неловко снова спрашивать про еду. Это казалось таким глупым, будто он маленький ребёнок, выпрашивающий печенье. Он подумал, что Кан Чжэ, вероятно, найдёт это забавным, поэтому выбрал более обтекаемую, взрослую формулировку:

— Я спросил, ты уже ужинал? Может, поедим вместе?

Уголки губ Кан Чжэ, и так слегка приподнятые, изогнулись в широкой улыбке, словно он видел Тан Юйхуэя насквозь. На его привлекательном лице застыло нечитаемое, но красивое и спокойное выражение. Сердце Тан Юйхуэя необъяснимо ёкнуло, он едва не отступил назад. И тут он услышал, как Кан Чжэ произнёс:

— Я уже поел.

Тан Юйхуэй только и мог протянуть: «О-о», не зная, что ответить. При любом другом ответе он мог бы естественно перевести разговор на тему ужина, но под этим смеющимся взглядом Тан Юйхуэй вдруг почувствовал, что его язык будто прилип к гортани. И тут он наконец осознал, что именно всё это время казалось ему странным в Кан Чжэ...

Этот парень был слишком высокомерен. Бесспорно, он был очень красив: в улыбке его глаза

изгибались полумесяцами, обнажались острые тигриные клычки, а лицо озарялось чистым, будто солнечным светом, и он казался общительным и простым. Но если вдуматься, Кан Чжэ с самого начала и до настоящего момента не выказывал ни дружелюбия, ни добрых намерений. Его улыбка была подобна дождевой туче — размытой, рассеивающейся у самых уголков глаз, а в его настоящем выражении лица читались лишь безразличная усталость и холодность. Тан Юйхуэй решил не продолжать разговор. Он собрался вернуться к себе и ещё раз порыться в чемодане — вдруг Кэ Нин положил что-нибудь съестное.

Уже совсем стемнело. Тьма стояла такая, что не было видно ни зги. Тан Юйхуэй даже дороги толком не разглядел, когда ехал сюда днём на мотоцикле. Сейчас ему совершенно не хотелось выглядеть глупо и, вслепую, в непроглядной темноте, отправляться на поиски еды. Он кивнул Кан Чжэ, не имея ни малейшего желания расшаркиваться, и бросил:

— Ладно, спасибо, что позаботился обо мне сегодня. Пойду к себе отдыхать, не буду мешать.

— Не за что, спокойной ночи, — равнодушно ответил Кан Чжэ.

Вернувшись в комнату, Тан Юйхуэй сначала отпил сока, который был у него в рюкзаке, чтобы немного утолить голод, а затем глубоко вздохнув, подтащил к себе чемодан, который до этого старательно игнорировал, и открыл его.

Вещи были уложены очень аккуратно. Было видно, что Кэ Нин приложил все усилия, чтобы найти и упаковать самые тёплые вещи из общежития. Там же лежали привычные туалетные принадлежности, пара мягких хлопковых тапочек, маленькая овечка — игрушка, которую Кэ Нин в прошлый день рождения Тан Юйхуэя выиграл для него в игровых автоматах, и несколько самых нужных учебников, обычно лежавших у него на столе. Тан Юйхуэй старательно обыскал боковые карманы — еды не было. Он вздохнул.

Глядя на этот битком набитый, но аккуратно и упорядоченно сложенный чемодан, он представил, как Кэ Нин, сидя на корточках, вещь за вещь бережно складывал и упаковывал его одежду. Внезапно в глазах защипало, и продолжать поиски еды расхотелось. Тан Юйхуэй помнил, как вчера вечером Кэ Нин вернулся с занятий и увидев, что он всё ещё лежит на кровати, уставившись в одну точку, глухо спросил, собраны ли вещи. Он, кажется, покачал головой. Тогда Кэ Нин немного помолчал, вытащил из-под его кровати чемодан и начал одну за другой укладывать его вещи.

Когда Тан Юйхуэй проснулся утром, он собирался уйти, взяв лишь удостоверение личности и кошелёк. Но Кэ Нин с покрасневшими глазами перехватил его у двери общежития, протянул собранный чемодан, решительно сунул ноутбук в его рюкзак, проводил до аэропорта, а перед выходом на посадку снял с себя серую куртку, отдал Тан Юйхуэю и обнял его.

— Тан-Тан, всё будет хорошо. Возвращайся поскорее, ладно? — медленно сказал Кэ Нин, с трудом сдерживая грусть.

Казалось, промозглый воздух ранней пекинской весны всё ещё стоял в лёгких и никак не хотел

выходить. «Ведь это было только сегодня утром, — рассеянно подумал Тан Юйхуэй. — Почему кажется, что прошла уже целая вечность?»

«Ладно, поголодаю денёк, ничего страшного, — сдался он. — Завтра утром встану и поищу еду. Хоть я, похоже, и угодил в Кандин в самый что ни на есть мёртвый сезон, это всё-таки туристическое место, какое-нибудь кафе наверняка будет работать».

Стиснув зубы от голода, Тан Юйхуэй снова лёг на кровать. Без еды не было сил даже привести себя в порядок. К тому же он помнил, как Кэ Нин несколько раз наказал ему ни в коем случае не принимать душ в первый же день на высокогорье — легко простудиться и заболеть, а на такой высоте это очень серьёзно и хлопотно. Но после долгого дневного сна спать совсем не хотелось. Тан Юйхуэй несколько минут созерцал потолок, а затем беззвучно усмехнулся. Если бы родители узнали, что он вот так, тихой сапой, уехал за две с лишним тысячи километров, они, возможно, никак бы и не отреагировали. Но узнай они, что их сын после целого дня пути не переодевшись плюхнулся на кровать, вероятно, не разговаривали бы с ним несколько дней.

Точно... одежда... Тан Юйхуэй только сейчас сообразил, что собирался отдать пуховик Кан Чжэ, но от голода совершенно забыл об этом... Он немного поколебался, поборолся с собой — и совершенно спокойно махнул на это рукой. Ему отчаянно не хотелось снова вставать и спускаться вниз. «Да ладно, Кан Чжэ ведь только что видел меня в нём и ничего не сказал, не потребовал вернуть, — подумал Тан Юйхуэй. — Холодно. Завтра разберусь».

Он лежал, потеряв счёт времени, сверля взглядом потолок, как вдруг раздался стук в дверь. Снаружи послышался голос Кан Чжэ:

— Ты опять уснул?

Тан Юйхуэй на миг опешил. Хотя он был в полном сознании, а глаза болели от долгого созерцания потолка, он не шевельнулся. Однако прошло какое-то время, а шум за дверью не затихал. Тан Юйхуэй ничего не оставалось, как, недоумевая, подняться и открыть Кан Чжэ. Лишь когда его босые ноги коснулись деревянного пола, Тан Юйхуэй осознал, насколько холодно в комнате. А он, укутанный в пуховик, даже поленился накрыться одеялом, не заметив, как резко упала температура.

Дверь со скрипом отворилась. Тан Юйхуэй посмотрел на стоявшего за ней Кан Чжэ и остолбенел: одной рукой тот держал поднос, на котором стояла миска дымящейся лапши, а другой опирался о дверной косяк. Лицо его было спокойным, как у Будды.

— Ещё минута на этом сквозняке, и я бы действительно плюнул и ушёл.

Тан Юйхуэй выпучил глаза и растерянно наблюдал, как Кан Чжэ с невозмутимым видом входит в его комнату.

— Попросить о помощи — так сложно? — Кан Чжэ поставил поднос на стол, обернулся и

спокойно посмотрел на Тан Юйхуэя. — Хватило же смелости пригласить поесть, почему не смог задать вопрос?

Тан Юйхуэй открыл рот, но не вымолвил ни слова.

— Я не очень-то умею заботиться о людях, так что о многом тебе придётся говорить прямо. Иначе, даже если что-то замечу, могу подумать, что ты не хочешь принять помощь, — ровным тоном произнёс Кан Чжэ.

— Прости... — машинально начал Тан Юйхуэй.

— Это не то, за что нужно извиняться, — мягко прервал его Кан Чжэ и, немного подумав, добавил: — Кажется, я перегнул палку. Я не упрекаю тебя. Просто, раз уж мы так долго будем жить рядом, хотелось бы по возможности поддерживать приятные отношения.

— Хорошо, — ответил Тан Юйхуэй, хотя про себя подумал: «Ты говоришь это таким ледяным тоном, что это совсем не похоже на желание наладить хорошие отношения».

— Вот и отлично, — сказал Кан Чжэ.

Он наконец переключил внимание, обвёл взглядом комнату Тан Юйхуэя и спросил:

— Так холодно, почему не включишь обогреватель?

Тан Юйхуэй растерянно спросил:

— Здесь есть обогреватель?

Кан Чжэ молча подтащил от тумбочки, на которой стоял телевизор, к Тан Юйхуэю прибор, с рядом белых керамических трубок. Помолчав немного, он спросил:

— В розетку-то сумеешь включить?

Тан Юйхуэй молчал. Только сейчас он заметил, что эта штука и вправду выглядела точь-в-точь как обогреватель. Непонятно, почему он всё это время принимал её за декоративный элемент обстановки.

— Проспишь так всю ночь — завтра точно сляжешь с температурой, — сказал Кан Чжэ.

— Извини. Спасибо тебе, — Тан Юйхуэй не знал, что ещё сказать.

Кан Чжэ некоторое время смотрел на него, стоя на месте, а потом вдруг спросил:

— Может, это бестактно, но всё же спрошу: зачем ты сюда приехал?

Тан Юйхуэй замер — не от неожиданного вопроса, а от холодного, спокойного тона Кан Чжэ. Казалось, ему изначально было неинтересно, просто неумение Тан Юйхуэя справляться с бытовыми мелочами пробудило в нём какое-то мимолётное любопытство. Но это любопытство было с привкусом отстранённости, а вопрос — лишь формальной вежливостью. Тан Юйхуэй надолго задумался, выбирая из вороха унижительных и неловких причин ту, что звучала бы сносно. Наконец он медленно произнёс:

— Сбежал из дома...

Едва слова сорвались с его губ, он тут же пожалел. Как по-детски! И это, по-вашему, «сносно»?

Кан Чжэ, выслушав, приподнял бровь и протянул руку:

— Покажи ещё раз своё удостоверение личности.

Тан Юйхуэй не задумываясь отыскал в рюкзаке документ и послушно протянул ему. Кан Чжэ некоторое время рассматривал удостоверение, затем сравнил фото с оригиналом, и уголок его рта дёрнулся в усмешке:

— Это возможно.

Тан Юйхуэю было нечего возразить. Кан Чжэ вернул ему удостоверение:

— Но ты на два года младше меня. По идее, должен называть меня «гэ».

Тан Юйхуэй открыл рот, но не успел ничего сказать, как Кан Чжэ спокойно добавил:

— Впрочем, забудь. Если непривычно обращаться по имени, зови меня а-Чжэ. Здесь меня все так называют.

Тан Юйхуэя снова поставили в тупик его слова, но на этот раз в душе зародилось лёгкое спокойствие. Ему казалось, он уже почти привык к манере разговора Кан Чжэ.

Перед уходом Кан Чжэ помог Тан Юйхуэю включить обогреватель в розетку, словно и вправду немного беспокоился, что ночью тот замёрзнет насмерть. Кроме того, он достал из ящика стола фумигатор и воткнул его в розетку у изголовья кровати.

— Лапшу съешь, пока горячая. Посуду можешь оставить здесь, завтра захвачу по пути вниз, — Кан Чжэ поднялся, отрегулировав температуру обогревателя. — Но сегодня — исключение. Я тебе готовить не буду, даже за деньги. Ешь сам. Завтра утром отведу тебя позавтракать, а потом можешь осмотреться в городке, запомнить дорогу. Кажется, несколько закусовых ещё работают. В гостинице тоже есть кухня, но если захочешь ею воспользоваться, скажи мне заранее. — Подумав, Кан Чжэ добавил: — И ещё: завтра посуду моешь сам.

Тан Юйхуэй кивнул и, стараясь изо всех сил, одарил Кан Чжэ первой за сегодня искренней и дружелюбной улыбкой:

— Угу, я понял, спасибо тебе. — Сказав это, он вдруг кое-что вспомнил и, проведя рукой по чёрному пуховику, который был на нём, нерешительно проговорил: — Куртка...

— Носи, — сказал Кан Чжэ. — Я смотрю, ты с собой ни одной тёплой вещи не взял. — Он сделал паузу, а затем коротко усмехнулся. — М-да, теперь я всей душой верю, что ты сбежал из дома.

Тан Юйхуэй молчал, подозревая скрытый подкол, но возразить было нечего.

— Можешь съездить в город, купить себе что-нибудь. У тебя слишком мало вещей, — подумав, сказал Кан Чжэ. — Кандин — лишь маленький уездный городок, ничего особо хорошего там не купишь, но если захочешь, в следующий раз отвезу тебя туда.

Тан Юйхуэй кивнул и ещё раз, с большей серьёзностью, поблагодарил:

— Хорошо, спасибо тебе за беспокойство.

Кан Чжэ мысленно вздохнул. Этот парень, весь из себя такой вежливый, был так наивен и учтив, что ему самому стало неловко продолжать разговор.

— Ладно, отдыхай. Утром разбужу тебя к завтраку.

— Хорошо, — ответил Тан Юйхуэй.

Кан Чжэ уже отступил назад, собираясь уходить, как вдруг услышал за спиной тихий и нерешительный голос:

— Эм... извини, я всё-таки спрошу, — запинаясь, произнёс Тан Юйхуэй. — Как именно пишется «чжэ» в твоём имени?

Кан Чжэ замер. Первой реакцией было весёлое недоумение. «Зачем он спрашивает? — холодно подумал Кан Чжэ. — Мы же случайные знакомые — люди, встретившиеся как ряска на воде —

зачем ещё и дружить?» Но всё же сдержался и терпеливо объяснил:

— «Чжэ», который «красная охра». Состоит из «алый» и «тот, кто». Цвет красной земли.

После того как Кан Чжэ спустился и ушёл, Тан Юйхуэй достал телефон. Пальцы замерли над экраном, но почему-то он не стал менять нелепое прозвище в контактах. Он задумчиво посмотрел на миску с лапшой, затем медленно доел её до конца.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130162>